Философская мысль
Правильная ссылка на статью:
Рожин Д.О. — Рецепция и критика теории пространства и времени И. Канта в философии В. Д. Кудрявцева-Платонова // Философская мысль. – 2021. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.6.35381 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35381

Рецепция и критика теории пространства и времени И. Канта в философии В. Д. Кудрявцева-Платонова

Рожин Давид Олегович

аспирант, младший научный сотрудник, лаборатория «Кантианская рациональность», Академия Кантиана, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград

236016, Россия, Калининградская область, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Davidrozhin@gmail.com

Статья из рубрики "История идей и учений"

DOI:

10.25136/2409-8728.2021.6.35381

Дата направления статьи в редакцию:

31-03-2021

Дата публикации:

25-06-2021

Аннотация: Предметом данного исследования является рецепция теории пространства и времени И. Канта в учении о познании В. Д. Кудрявцева-Платонова (далее Кудрявцев). Кудрявцев, излагая свое учение о познании, не только вступал в заочный спор с немецким философом и критиковал его позиции, но и использовал ряд его идей, в частности, из теории пространства и времени. Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблемы рецепции кантовских идей в философии Кудрявцева. Цель исследования состоит в определении специфики восприятия кантовской теории пространства и времени в аналогичной теории Кудрявцева. Для достижения этой цели были использованы концептуально-аналитический, системно-структурный и компаративистский методы, а также метод исторической реконструкции. Научной новизной исследования является установление характера рецепции гносеологических идей Канта в философии Кудрявцева. В результате исследования определены те положения кантовской теории пространства и времени, которые заимствовал Кудрявцев: 1) пространство и время имеют априорный характер, то есть являются всеобщими и необходимыми неэмпирическими формами чувственного познания; 2) одновременно они являются условиями чувственного опыта. Также Кудрявцев следует за Кантом относительно разделения действительности на явления и вещи в себе, но не соглашается с непознаваемостью вещей в себе. Такое расхождение, как это показано в статье, связано с объективным значением

пространства и времени, на чем настаивает Кудрявцев в отличие от Канта, указывающего на их только субъективное значение. В заключении подчеркивается, что Кудрявцев формулирует свою теорию пространства и времени, основываясь на кантовском априоризме. При этом он соглашается с кантовскими определениями пространства и времени, одновременно отрицая сделанные Кантом выводы относительно их только субъективного характера.

Ключевые слова: Кант, Кудрявцев-Платонов, пространство, время, априоризм, явления, вещи в себе, опыт, познание, чувственность

Данная публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2019-1929 «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах», реализуемый на базе Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград).

Введение

Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов (1828-1891) – автор философской системы трансцендентального монизма, «истинный теист» [2, с. 436], один «из главнейших представителей теистической школы» и «выдающийся деятель» русской философии [16, с. 215], и Московской духовной академии в частности [8, с. 200]. Кудрявцев уважал и понимал Канта и Якоби, в чем усматривается влияние одного из его наставников – Ф. А. Голубинского, высоко ценившего названных мыслителей, а также симпатизировавшего немецкому идеализму, хотя и не разделявшего взглядов этого направления [4, с. 508-509],[16, с. 216-217],[17, с. 165]. Стоит отметить, что Голубинский все же находился под определенным влиянием гносеологических взглядов Канта, в частности, его теории пространства и времени [12, с. 159-189],[14],[15].

Один из виднейших учеников Кудрявцева и преемник по кафедре логики и метафизики Московской духовной академии – Алексей Иванович Введенский, будучи хорошо знакомым с трудами Кудрявцева, определяет его систему трансцендентального монизма как «цельную систему в духе христианского идеализма» [3, с. 61]. По мнению Введенского, работы Кудрявцева могли бы помочь русской философии высвободиться из рабства «началам и стихиям мысли западной», а также устранить пропасть между миром «духовным» и миром «светским» [3, с. 119-120]. Наконец, Введенский считает философию Кудрявцева «одним из самых значительных явлений в области русской философской мысли», указывая на ее «трезвый реализм», на не отвлеченную строгую логичность и критицизм, избегающий скептицизма [3, с. 122].

Русский неокантианец Б. В. Яковенко называет Кудрявцева выдающимся мыслителем, «который придал философии форму более или менее завершенного учения» [18, с. 201], а также талантливым философским критиком, который находился под влиянием философии Канта и Якоби, немецкого теизма и французского спиритуализма [18, с. 201-202]. Более того, Яковенко указывает на генетическую связь Кудрявцева и последующих философов, а именно В. С. Соловьева (с таким утверждением также согласны протоиерей В. Иванов [5, с. 146] и Н. В. Мотрошилова [13, с. 257]) и братьев Трубецких. Яковенко даже считает Кудрявцева непосредственным учителем Соловьева [18, с. 213, 239,

398]. Из более современных исследователей связь между философскими взглядами Кудрявцева и Канта видят А. И. Абрамов[1], Е. Н. Коновалова [7], О. Д. Мачкарина [12, с. 189-204]). В частности, Абрамов пишет, что Кудрявцев в своих историко-философских экскурсах критикует Канта, но это не «простое отрицание», а конструктивная критика, используемая русским философом как «точка отсчета» при построении и обосновании своей философии [1, с. 94]. Наконец, нельзя не отметить выдвинутое А. Н. Кругловым предположение, что Кудрявцев находился под «более чем вероятным» влиянием кантианца В. Т. Круга [9, с. 478-483].

Исследование философских работ Кудрявцева действительно подтверждает тот факт, что ни в одном из гносеологических вопросов он не обходит стороной соответствующие кантовские теории. В данной статье я сконцентрируюсь на анализе теории пространства и времени у Канта и Кудрявцева. Проблема, которую предстоит решить в рамках данного исследования, может быть обозначена следующими вопросами: чем было обусловлено обращение Кудрявцева к кантовской теории пространства и времени? Был ли это только историко-критический интерес, или речь в данном случае может идти о рецепции кантовских идей? Чтобы ответить на предложенные вопросы, я, во-первых, обозначу основные положения философии Кудрявцева. Во-вторых, сформулирую теорию пространства и времени Кудрявцева. Далее перейду к главному вопросу статьи: с какими положениями кантовской теории пространства и времени Кудрявцев согласен, с какими не согласен — и по каким причинам? Для ответа на данный вопрос я произведу сравнительный анализ теорий пространства и времени Канта и Кудрявцева и постараюсь привести основания их сходства и различия.

Основания философской системы В. Д. Кудрявцева-Платонова

Философия, по мысли Кудрявцева, занимается познанием идеальной стороны предметов объективного мира с учетом особенностей феноменальной стороны и субъективной законосообразности, то есть законов и форм нашего познания [10, с. 24]. Идеальная сторона, пишет философ, не представлена эмпирически, но усматривается нашим разумом [10, с. 27] в процессе рационального познания. Главный предмет философии, по мнению русского мыслителя – идеи, которые носят особый характер, а именно: 1) являются постоянной и неизменной сущностью предметов; 2) представляют собой нечто первоначальное по отношению к предмету; 3) являются целью развития предметов [10, с. 29-31]. Собственно, сами по себе идеи не являются чем-то самобытным и находятся во взаимозависимости; в то же время, обладая относительной истиной бытия, идеи необходимо предполагают основание, а именно абсолютную идею, которая позволяет всю совокупность идей представить в гармоническом единстве [10, с. 32]. Таким образом, для русского философа познание идеальной стороны предметов, или познание идей, то же, что познание сущности вещей. В указанном процессе познания философ выделяет два возможных смысла: субъективный и объективный. Познание в субъективном смысле занимается изучением сущности явлений, причем в их зависимости от законов и форм нашей познавательной способности, в то время как познание в объективном смысле исследует сущность объективной реальности, лежащей в основе явлений [10, с. 64].

Исследование идеальной стороны предметов, осуществляемое преимущественно синтетическим (дедуктивным) методом, должно, согласно русскому философу, предваряться аналитическим исследованием способности познания, которое составляет философскую теорию познания. Последняя, по мнению философа, должна обосновать «…в какой мере мы имеем возможность и право посредством приложения их [априорных

и не зависящих от опыта законов и форм деятельности разума] к фактам внешнего и внутреннего опыта познавать не только эмпирическую действительность, но и восходить за пределы ее, к бытию идеальному и познаваемому разумом» [10, с. 211-212]. Это обоснование в рамках философии Кудрявцева строится на различении в познании материи, то есть впечатлений опыта, и априорных законов и форм познавательной деятельности разума [10, с. 211-212]. Априорные законы и формы познавательной деятельности в философской теории познания служат критерием истинности в области человеческого познания. Таким образом, философ заключает, что философия должна начинаться с проверки возможностей человеческого познания, или определения его границ [10, с. 214-215].

Возвращаясь к методу исследования идеальной стороны бытия, необходимо отметить, что для Кудрявцева принципиально важно, чтобы синтетический метод использовался в совокупности с аналитическим методом исследования [10, с. 206]. Иными словами, чтобы дедуктивные построения соотносились с индуктивными заключениями, полученными из опыта, в противном случае философская система неизбежно придет к тождеству бытия и мышления, с чем философ, исходя из основоположений собственной философии, не может согласиться. Кудрявцев также не готов согласиться с идеей принципиальной противоположности бытия и мышления и выдвигает концепцию их соответствия. Суть данной концепции состоит в том, что между мышлением и бытием есть соответствие, но не полное, то есть объективный мир отражается в сознании человека не зеркально, но с учетом специфики человеческого познания, то есть привносимых субъектом познавательных форм. Поэтому концепция соответствия бытия и мышления в качестве условия достоверного познания требует постоянного сравнения дедуктивных построений и данных опыта, что, как было ранее отмечено, предполагает использование при исследовании идеальной стороны бытия вместе с синтетическим также аналитического метода [10, с. 218].

Что касается формы философского знания, то Кудрявцев полагает, что истинность философского знания прямо связана с систематическим изложением, под чем понимается не только субъективный порядок мыслей и идей, но и строгое отображение в нашем мышлении действительного строя вещей [10, с. 225-226]. Именно форма метафизической системы, по мнению философа, позволит представить философское знание как строго выведенное из единого принципа и как органически целое [10, с. 226]. Структуру собственной философии Кудрявцев определяет с помощью объективного принципа разделения философских наук, то есть по существенным отличиям в познаваемых объектах. Поскольку познаваемые объекты русский философ разделяет на три класса – бытие абсолютное, бытие духовное (ограниченное) и бытие материальное, – то и философия делится у него на учение об абсолютном (о Боге), учение о духе и учение о природе. Стоит заметить, что указанные три класса, или вида, бытия Кудрявцев выводит из анализа формулы крайнего скептицизма: «Я сомневаюсь во всем» [11, с. 46-56]. Кудрявцев отмечает, что учение об абсолютном должно предшествовать учению о духе и о природе, так же как безусловное должно предшествовать условному [10, с. 249-250]. В результате метафизика, в предметную область которой входят физический и духовный миры, имеющие своей первопричиной абсолютно совершенное Существо, подразделяется на онтологию (учение о сущем), естественное богословие (учение о Боге), рациональную космологию (учение об объективном мире), и рациональную психологию (учение о субъективном мире) [10, с. 253-258].

Теория пространства и времени В. Д. Кудрявцева-Платонова

Реконструкцию теории пространства и времени Кудрявцева следует начать с его работы «Метафизический анализ эмпирического познания», в которой он стремится выяснить, какое отношение чувственные представления имеют к действительному бытию, а также определить всеобщие формы чувственного бытия – пространство и время [11, с. 70-71]. Последние русский философ относит к формам эмпирического познания, в то время как вопрос отношения чувственных представлений к реальным внешним по отношению к познающему субъекту предметам связан с общим содержанием эмпирического познания. Этот вопрос, согласно Кудрявцеву, составляют две проблемы: 1) определение онтологического статуса чувственного мира; 2) степень достоверности эмпирического познания относительно внешнего чувственного мира [11, с. 98-99].

Определяя онтологический статус чувственного мира, философ не принимает односторонних позиций как объективного идеализма, отрицающего реальность внешнего мира, так и материализма, отрицающего реальность субъективного мира, а свои симпатии высказывает в пользу субъективного идеализма, который, по его мнению, является единственным возможным примирением идеализма и реализма [11, с. 173]. Хотя позиция Кудрявцева по рассматриваемому вопросу не совпадает полностью с позицией субъективного идеализма, что будет показано ниже, русский философ все же принимает одно из ключевых положений субъективного идеализма: различение в познании субъективной и объективной составляющих. Субъективный элемент познания связан с чувственными представлениями, объективный элемент — с внешними предметами, оказывающими влияние на чувственность человека и вызывающими ощущения [11, с. 83]. Следовательно, объективная реальность в эмпирическом познании нам не дана как таковая из-за наличия субъективного элемента познания, привносимого познающим субъектом, то есть мы имеем дело с явлениями: «истинно существующее для науки и научно изучаемое ей – это явление» [11, с. 114]. С другой стороны, замечает Кудрявцев, это не означает, что явления носят только субъективный характер: они отражают реальные свойства внешних предметов [11, с. 192]. Здесь и обнаруживается серьезное расхождение между концепцией эмпирического познания Кудрявцева и субъективным идеализмом, который указывает на сугубо субъективный характер явлений [6, B56, с. 77].

Наличие в эмпирическом познании субъективного и объективного элементов для Кудрявцева является предпосылкой к признанию двух видов сущего, причем с «равными правами на самостоятельное существование» [11, с. 182]. Здесь философ переходит от гносеологической концепции субъективного и объективного в познании к онтологической концепции соответствующих субъективному и объективному видов действительности. По сути для него субъективное в познании эквивалентно идеальному бытию, а объективное – материальному бытию. Признавая наличие двух видов бытия, Кудрявцев оказывается перед проблемой субстанциального дуализма. Концепция субстанциального дуализма, по мнению философа, противоречит «высшему идеалу знания» разума, который заключается в выведении знания из одного принципа. Наличие двух субстанциально независимых видов бытия не позволяет установить один принцип. Не в пользу субстанциального дуализма, по мысли Кудрявцева, говорит и опыт, указывающий на тесную взаимосвязь материального и духовного бытия. Для удовлетворения высшего идеала знания философ предлагает объединяющее начало для материального и идеального видов бытия – Существо высочайшее и совершеннейшее [11, с. 183-184]. В итоге, согласно русскому философу, признавая независящий от

идеального и материального третий вид бытия, который выступает в качестве их объединяющего начала, мы сможем избегнуть крайностей субстанциального монизма и субстанциального дуализма. Свою онтологическую концепцию бытия Кудрявцев называет «трансцендентальный монизм» [11, с. 184-185].

Результатом анализа общего содержания эмпирического познания Кудрявцева в гносеологической перспективе является определение субъективного и объективного элементов в познании, признание того факта, что наше сознание имеет дело с явлениями, и, наконец, утверждение реального значения субъективных представлений, полученных в результате чувственного познания. В онтологической перспективе – это концепция трансцендентального монизма, согласно которой Бог выступает в качестве объединяющего начала для идеальной и материальной сторон бытия. В качестве гносеологической предпосылки этой концепции выступает идеал разума о высшем знании.

Далее Кудрявцев переходит к анализу форм эмпирического познания – пространства и времени – с целью, с одной стороны, дать определение пространству и времени, а с другой — уточнить и углубить те положения, которые были получены в результате анализа содержания эмпирического познания.

Формы чувственного созерцания Кудрявцев выводит из существенных метафизических свойств внешней действительности: множественности и постоянной изменяемости. Форма пространства усматривается философом в том, что каждый предмет находится вне другого, форма времени усматривается посредством различения в предмете его состояний [11, с. 210-211]. Что касается существенных характеристик пространства и времени как форм чувственного созерцания, то Кудрявцев вслед за кантовской теорией пространства и времени признает, что 1) пространство и время имеют принадлежность к познавательной способности; 2) они априорны, то есть не происходят из опыта; 3) они имеют свойства всеобщности и необходимости; 4) они суть созерцания, а не дискурсивные понятия; 5) наконец, пространство и время составляют условие возможности опытного познания [11, с. 223-224],[6, B38-40, с. 65-66].

Несколько подробнее следует остановиться на априорности пространства и времени, то есть на том, что Кудрявцев понимает под неопытным происхождением пространства и времени. Несмотря на то, что Кудрявцева в вопросе генезиса пространства и времени вполне удовлетворяет их логический анализ проведенный Кантом, выявивший такие их свойства как всеобщность и необходимость, русский философ проводит анализ психологического генезиса пространства и времени в сознании человека. В результате он приходит к следующим выводам: a) пространство и время в идеальной форме не происходят из опыта; b) но пространство и время происходят и образовываются под влиянием опыта. Поэтому Кудрявцев считает справедливым замечание Канта, что пространство и время предшествуют всякому сознательному опыту и только получают дальнейшую определенность и развитие при помощи опыта [11, с. 277].

Расхождения русского философа с Кантом начинаются в вопросе о значении пространства и времени. Кудрявцев не считает, что неэмпирический и субъективный характер пространства и времени представляет препятствие к признанию их реального значения [11, с. 236-237]. Под реальным значением пространства и времени философ понимает их наличие не только в познающем субъекте, но и их принадлежность к объективной реальности [11, с. 249-251]. Он приводит несколько аргументов в пользу реального значения пространства и времени. Первый состоит в том, что не все

чувственные представления существуют в пространстве и времени. Например, не все чувства способны выразить пространственность ощущения, но только зрение и осязание. И не все представления существуют во времени, в частности, математические положения или моральные законы не имеют временнóго выражения. Отсюда Кудрявцев заключает: «…пространственно-временные определения… если бы они были только субъективными формами познания, то должны были бы налагаться нашим умом на все представления без исключения» [11, с. 241-243]. Поскольку это не так, то пространству и времени можно приписать реальное значение. По сути Кудрявцев здесь предлагает контраргумент против того аргумента Канта, согласно которому пространство и время не являются свойствами предметов внешнего мира в силу того, что ни одно созерцание не может быть дано без пространственной или временной формы [6, B39, с. 65-66].

Другой аргумент Кудрявцева основывается на согласии объективной реальности с априорным познанием ее пространственно-временных свойств. В качестве примера он указывает на математику как науку, имеющую неопытное происхождение, то есть представляющую собой априорно-синтетическое знание, положения которой согласны с реальными пространственными определениями [11, с. 243-244]. В результате Кудрявцев заключает, что пространство и время также есть формы ограниченного бытия [11, с. 257-258]. В то же время в нашей познавательной способности пространство и время суть априорные формы чувственного познания. Вполне закономерно возникает вопрос о разнице между пространством и временем как формами ограниченного бытия и как субъективными формами познания. Русский философ утверждает, что пространство и время как формы чувственного познания представлены в сознании в идеальной форме, тогда как во внешних предметах они только приближаются к этой форме. Этим же объясняется возможность применения математики к познанию природы [11, с. 244].

Отдельного внимания заслуживает вопрос определения Кудрявцевым пространства и времени как форм ограниченного бытия. Это определение уязвимо в том, что против наличия пространственных и временных форм в действительном бытии говорит возможность мыслить чистые понятия пространства и времени. Сам философ замечает, что если речь идет о пространстве и времени как формах созерцания, то невозможно представить ни пространство, ни время без предмета, хоть и воображаемого. То есть пространственные и временные формы оказываются неотделимыми от представления предметов, следовательно, их определение как форм бытия остается непоколебимым. Что касается чистых понятий пространства и времени, то они являются не созерцаниями, а именно понятиями, полученными путем отвлечения пространства и времени от содержания опыта, и в действительности не существуют [11, с. 258-260]. Отсюда возможность мыслить чистые понятия пространства и времени не противоречит тому, что пространство и время есть формы бытия.

Указав принципиальные положения собственной теории пространства и времени, а именно то, что они по отношению к познающему субъекту – идеальные формы чувственного познания, а по отношению к внешним предметам – формы ограниченного бытия, Кудрявцев поднимает вопрос атрибуции бесконечности по отношению к пространству и времени. Сам признак бесконечности, согласно русскому философу, является существенной принадлежностью сознания человека, имеет априорный характер, то есть образован неэмпирическим путем, и реальное значение: ему нечто должно соответствовать в действительности [11, с. 266-267]. Тем не менее, Кудрявцев не приписывает пространству и времени как формам ограниченного бытия признака бесконечности [11, с. 268], что на первый взгляд может показаться противоречивым.

Различая пространство и время как формы познания и как формы бытия и утверждая отсутствие тождества между ними, философ отмечает, что есть признаки, которые могут иметь значение только для нашего познания, в частности, признак бесконечности, поэтому эти признаки не могут быть приложимы к внешней действительности [11, с. 269].

Завершает Кудрявцев изложение своей теории прояснением более частного вопроса, касающегося трехмерного пространства. Философ, с одной стороны, утверждает, что трехмерное пространство имеет реальное значение, то есть лежит в реальных действующих на нас вещах, поскольку дается нам с принудительной необходимостью и именно созерцается в отличие от многомерных пространств, которые только могут мыслиться, с другой стороны, что оно при этом не является всеобщей и необходимой формой чувственного созерцания, а есть лишь частный случай возможных построений пространства [11, с. 303-308].

Сравнительный анализ теорий пространства и времени И. Канта и В. Д. Кудрявцева-Платонова

Теория пространства и времени как в случае Канта [6, B22, с. 54],[6, B26, с. 57], так и в случае Кудрявцева появляется в результате формулировки общей для теории познания цели, а именно — определить границы познания и возможности его применения к различного рода предметам посредством анализа познавательной способности. В первую очередь важно прояснить, одно ли и то же понимают Кант и Кудрявцев, когда пишут о чувственном познании, формами которого оба мыслителя считают пространство и время. Если более точно сформулировать вопрос, то насколько соотносимо эмпирическое познание, рассматриваемое Кудрявцевым, с тем, что Кант называет чувственным познанием.

Кант под чувственным познанием понимает способность получать представления в процессе аффицирования чувств человека со стороны внешних предметов [6, B33, с. 62]. Кудрявцев эмпирическое познание определяет как познание, получаемое посредством чувств человека. В обоих случаях, речь идет именно о таком роде познания, который непосредственно связан с чувственностью человека, и, соответственно, в обоих случаях мы имеем дело с одинаковыми областями исследования. Не менее важный вопрос – это вопрос относительно общего содержания чувственного познания. Кант, а вслед за ним и Кудрявцев, утверждает, что в чувственном познании обнаруживаются два элемента: объективный и субъективный [6, B36, с. 64],[11, с. 83]. Причем оба философа согласны в том, что объективный элемент привносится посредством ощущений, вызываемых внешними предметами, а субъективный элемент представляет собой формы нашей чувственности – пространство и время. Признавая наличие того элемента чувственного познания, который привносится познающим субъектом, оба философа приходят к выводу о том, что мы не имеем дело с реальностью как таковой или вещами в себе, но имеем дело лишь с явлениями [6, B59-60, с. 79-80],[11, с. 68, 103, 114].

Что касается порядка выведения пространства и времени как априорных форм чувственности, то Кант это делает путем отбрасывания от данных опыта, с одной стороны, элементов, привносимых рассудком, а с другой — самих ощущений, вызываемых внешними предметами [6, B35, с. 63]. Кудрявцев выводит пространство и время из существенных метафизических свойств действительности: множественности и изменяемости, правда, не уточняет, каким образом он определил данные метафизические свойства, [11, с. 210-211]. Вполне вероятно, что русский философ делает

этом путем отделения от опыта частных и случайных признаков.

Относительно особенностей объяснения пространства и времени необходимо заметить, что оба философа стремятся дать метафизическое истолкование указанным формам чувственного познания, то есть объяснить их априорное происхождение [6, B38, с. 65],[11, с. 210-310]. Можно предполагать, что в названии работы Кудрявцева по исследованию чувственности – «Метафизический анализ эмпирического познания», определение «метафизический» указывает на одну из целей данной работы: показать априорный характер пространства и времени. Но у Канта в отличие от Кудрявцева отдельно выделено трансцендентальное разъяснение пространства и времени, задача которого состоит в обосновании этих форм чистого созерцания в качестве принципов синтетических познаний a priori [6, B40, с. 66-67].

Сопоставление метафизического истолкования пространства и времени Канта и Кудрявцева позволяет сделать вывод, что оба мыслителя согласны в том, что, во-первых, пространство и время являются априорными формами чувственности; во-вторых, имеют характер всеобщности и необходимости и, соответственно, не происходят из опыта; в-третьих, пространство и время составляют условие возможности опыта; в-четвертых, представляют собой созерцания. Под априорностью пространства и времени оба философа понимают как не эмпирическое их происхождение, так и то, что они не даны первоначально в готовой форме, но образуются под влиянием опыта.

Утверждение Канта, что пространство и время представляются как бесконечно данные величины [6, B40, с. 66], Кудрявцев никак не комментирует, хотя не считает возможным приписывать пространству и времени признак бесконечности. Тем не менее, как Кант, так и Кудрявцев, пускай по разным причинам, не приписывают признак бесконечности к внешним объектам созерцания. Более того, бесконечность оба философа признают в качестве такого привносимого разумом признака, который приложим только для нашего познания, но никак не к внешней действительности.

Как было указано, Кудрявцев не производит трансцендентальное разъяснение понятий пространства и времени, но вслед за Кантом он признает, что математика имеет неопытное происхождение и, соответственно, является синтетическим знанием a priori [11, с. 284]. Также оба философа согласны с тем, что такое положение математики связано с априорным характером пространства и времени как чистых созерцаний, принадлежащих субъекту познания [6, B40-41, с. 66-67]. Другими словами, именно пространство и время выступают в качестве условий возможности математики как синтетического знания a priori. Но Кант приходит к выводу о только субъективном характере пространства и времени. Для немецкого философа только субъективное значение пространства и времени фактически объясняет аподиктическую достоверность геометрии [6, B64-66, с. 82-84]. Отсюда Кант делает вывод, что с помощью чувств мы не можем познавать ни вещей в себе, ни их свойств [6, B62, с. 80]. Напротив, для Кудрявцева пространство и время, помимо субъективного значения, имеют также и объективное значение. Согласие математики с действительностью для русского философа выступает в качестве аргумента в пользу объективного характера априорных форм чувственности. Здесь необходимо отметить, что Кудрявцев, будучи достаточно хорошо знаком с теорией пространства и времени Канта, понимал ее особенности и специфику относительно математического знания, а именно, что признаки всеобщности и необходимости, придающие математике аподиктический характер, принадлежат человеческому разуму и не могут быть взяты из опыта, то есть из внешней действительности. Русский философ не

приводит каких-либо существенных возражений против такого понимания математики. Напротив, он, опираясь на опыт применения математического знания, выводит объективный характер пространства и времени.

Кудрявцев указывает, почему не может принять только субъективное значение пространства и времени, отстаиваемое Кантом. Он пишет, что согласен с такими признаками пространства и времени, как всеобщность и необходимость, а также с тем, что они не происходят из опыта. Другими словами, Кудрявцев согласен с кантовской трактовкой априоризма в отношении форм чувственного познания. Но, согласно Кудрявцеву, Кант сделал неверные выводы из априорного характера пространства и времени. Ошибка по мнению русского философа кроется в том, что Кант, указывая на неэмпирический характер пространства и времени, отрицает их реальное значение по отношению к внешним предметам, то есть понятию субъективного в знании немецкий философ противопоставляет понятие реального в бытии, из-за чего, пишет Кудрявцев, «… субъективное происхождение какого-либо понятия считает несомненным признаком его нереальности» [11, с. 236]. Кудрявцев также согласен с Кантом, что такие признаки пространства и времени, как всеобщность и необходимость, принадлежат человеческому разуму, а не опыту, то есть для того, чтобы высказать нечто безусловное, необходима некоторая априорная идея, принадлежащая разуму [11, с. 235]. Тем не менее, Кудрявцев не считает, что представленные признаки указывают только на субъективное значение априорных форм чувственности [11, с. 237]. Он пишет: «… мысль о субъективном только значении пространства и времени всегда будет оставаться только абстрактной мыслью, не осуществимой в представлении… причина, почему все люди считают реальными время и пространство, нигде им (Кантом – прим. Д. Рожин) не выяснена, да и сколько-нибудь правдоподобно объяснена быть не может, что и свидетельствует о несостоятельности его теории» [11, с. 239]. В поддержку своего тезиса русский философ предложил аргументы, которые были рассмотрены в разделе, посвященном его теории пространства и времени.

Заключение

Реконструкция теории пространства и времени Кудрявцева показала, что его философские взгляды относительно эмпирического познания могут быть классифицированы как априоризм, причем в духе кантовского априоризма, где важную роль в процессе познания играет субъект и субъективные априорные формы чувственности. Но принимая кантовский априоризм, Кудрявцев не готов согласиться с теми выводами, которые сделал сам Кант из априорности пространства и времени, а именно — признать за ними только субъективное значение. Таким образом, русский философ, принимая практически безоговорочно одну часть теории пространства и времени Канта, отрицает ее другую часть. Кудрявцев, соглашаясь с кантовским априоризмом, с существенной оговоркой принимает идею разделения реальности на явления, с чем непосредственно имеет дело наше чувственное познание вместе со своими априорными формами, и мир вещей в себе. В силу того, что для Кудрявцева пространство и время не только формы чувственной познавательной способности, но также формы бытия внешних предметов, он не соглашается с полной непознаваемостью вещей в себе, которую отстаивал Кант, признавая только субъективное значение пространства и времени.

Библиография

1. Абрамов А. И. Кант в русской духовно-академической философии // Кант и философия в России. – М.: Наука, 1994. – С. 81-113.

2. Буткевич Т. И. Религия, ее сущность и происхождение : в 2-х книгах. Книга II. – Харьков: Типография Губернского Правления, 1904. – 451 с.
3. Введенский А. И. О характере, составе и значении философии В. Д. Кудрявцева-Платонова // Сочинения В. Д. Кудрявцева-Платонова : в 3 т. Т. 1. Вып. 1. – Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1905. – С. 57–125.
4. Зеньковский В. В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – 880 с.
5. Иванов В. Становление богословской мысли в московской духовной академии (1814-1870) // Богословские труды. Юбилейный сборник Московской духовной академии. – М. – 1986. – С. 142–146.
6. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 8 т. Т. 3. – М.: Чоро, 1994. – 741 с.
7. Коновалова Е. Н. Иммануил Кант и развитие идеи субъективности в русской духовно-академической философии // Вестник Астраханского государственного технического университета. – Астрахань: изд-во Астраханского государственного технического университета. – 2010. – № 2 (50). – С. 58-64.
8. Корнилов С. В. Philosophia perennis. В. Д. Кудрявцев-Платонов: путь познания истины // Пространство и время. – М.: изд-во Пространство и Время. – 2016. – № 3-4 (25-26). – С. 188–200.
9. Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половины XIX веков. – М.: «Канон +» ; РООИ «Реабилитация», 2009. – 568 с.
10. Кудрявцев-Платонов В. Д. Сочинения В. Д. Кудрявцева-Платонова : в 3 т. Т. 1. Вып. 1. – Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1905. – I–IV, 261 с.
11. Кудрявцев-Платонов В. Д. Сочинения В. Д. Кудрявцева-Платонова : в 3 т. Т. 1. Вып. 2. – Сергиев Посад : Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1914. – 310 с.
12. Мачкарина О. Д. Рецепция критической философии И. Канта в России XIX века: дис. доктора филос. наук: 09.00.03. – СПб., 2011. – 392 с.
13. Мотрошилова Н. В. История философии: Запад—Россия—Восток. Учебник для студентов высших учебных заведений : в 4-х книгах. Книга третья: Философия XIX-XX в. – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. – 448 с.
14. Рожин Д. О. Рецепции кантовских идей в философии Ф. Голубинского // Сборник трудов научно-практической конференции «Дни науки – 2018». – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – С. 48-56.
15. Рожин Д. О. Рецепция гносеологических идей И. Канта в метафизике Ф. А. Голубинского // Кантовский сборник. – 2021. – Т. 40, № 1. В печати.
16. Соколов П. П. Краткие сведения о жизни и трудах Виктора Дмитриевича Кудрявцева // Богословский вестник. – М. – 1892. – Т. 1., № 1. – С. 215–232.
17. Татарский И. А. Виктор Дмитриевич Кудрявцев // Вера и разум. – Харьков. – 1892. – Т. II., Ч. I. – С. 81–95, 163–179.
18. Яковенко Б. В. История русской философии. – М.: Республика, 2003. – 510 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Рецензируемая статья в целом производит благоприятное впечатление.

Осведомлённость автора в избранной теме и достаточно высокая эрудированность не вызывают сомнений. Однако по мере знакомства со статьёй возникает желание сделать и несколько существенных замечаний. Прежде всего, реальному содержанию статьи не вполне соответствует её название, ведь речь в ней идёт не о «кантианских мотивах» в теории пространства и времени В. Д. Кудрявцева-Платонова, а о критике русским философом кантовского учения о пространстве и времени. Думается, это и следовало отразить в названии. «Кантианские мотивы» звучит, действительно, красиво и побуждает вспомнить о замечательной книге М. К. Мамардашвили «Кантианские вариации», но в статье представлена именно вполне определённая критика, никакого «выявления мотивов» в ней просто нет. Далее, фрагмент «Теория пространства и времени И. Канта» следует изъять из текста. В этом фрагменте автор лишь пересказывает известные положения кантовской философии, которые, вне всякого сомнения, хорошо известны любому сколько-нибудь образованному читателю. Никаких оригинальных элементов в этой части статьи нет, кажется, и сам автор этого не скрывает, поскольку прямо говорит: «укажу на основные положения критической философии Канта, изложенные во введении ко второму изданию «Критики чистого разума», после чего воспроизведу его теорию пространства и времени». Помилуйте, сколько раз на них уже «указывали» и сколько раз их «воспроизводили»! Не имеет смысла их пересказывать, если нет намерения выявить что-то оригинальное или просто имеющее значение для центральной темы статьи. Думается, статья в глазах читателя от этого даже выиграет, поскольку для журнальной публикации текст представляется несколько избыточным по объёму. К сожалению, и остающаяся после этого удаления часть текста нуждается в существенной доработке. Многие высказывания производят впечатление наспех записанных мыслей. Например, прочитаем: «Знакомство с философскими работами Кудрявцева действительно подтверждает тот факт, что русский философ был знаком с критической философией Канта». Автор не заметил, что «знакомство» появляется здесь дважды? И самое главное – а как мог быть «не знаком» с критической философией не только философ, но и просто образованный человек в конце 19 в.? Не только в Западной Европе, но и в России Кант в это время был хорошо известен, более того, именно в это время происходит становление неокантианства. Много в тексте каких-то «неуклюжих» выражений, например, «труды Кудрявцева имеют то значение, что могли бы помочь…». Можно сказать проще и яснее. Или прочитаем: «мог перенять в положительном ключе идеи трансцендентального идеализма…». А как их можно было бы перенять «в отрицательном ключе»? Странно смотрятся и выражения «воспринял идеи из теории пространства и времени Канта», «должно указать на основные положения…» (очевидно, с ударением на первом слоге) и т.п. Наконец, в тексте почти нигде не выделяются вводные конструкции: «В частности ни в одном из гносеологических вопросов…», «наконец Введенский считает…», «более того Яковенко указывает…», «по мнению Введенского для русской философии…», «философия по мысли Кудрявцева занимается…». Подобные примеры можно приводить ещё и ещё. Впрочем, запятые пропущены и в некоторых других случаях, например, «Кудрявцев указывает почему не может принять только…». В других местах, напротив, встречаются и лишние запятые: Что касается порядка выведения пространства и времени, как первоначальных…». Подводя итоги, следует сказать, что статья интересная, она заинтересует читателя, запомнится, поскольку речь в ней идёт, действительно, об интересной, самобытной интерпретации кантовской философии, но она нуждается, конечно, в существенной доработке. Замечания главного редактора от 08.04.2021: "Автор в полной мере учел замечания рецензентов и исправил статью. Доработанная статья рекомендуется к публикации"